

Ernest Seton Thompson

JOHNNY-BEAR

JOHNNY-BEAR

1

Johnny was a queer little bear cub that lived with Grumpy, his mother, in the Yellowstone Park. They were among the many Bears that found a desirable home in the country about the Fountain Hotel.

The steward of the Hotel had ordered the kitchen garbage to be dumped in an open glade of the surrounding forest, thus providing throughout the season, a daily feast for the Bears, and their numbers have increased each year since the law of the land has made the Park a haven of refuge where no wild thing may be harmed. They have accepted man's peace-offering, and many of them have become so well known to the Hotel men that they have received names suggested by their looks or ways.

4

МЕДВЕЖОНОК ДЖОННИ

1

Джонни был забавный маленький медвежонок, живший со своей матерью в Йеллоустонском парке. Мать его звали Грэмпи (Злюка). Вместе с другими медведями они жили в лесу возле гостиницы.

По распоряжению управляющего гостиницей все отбросы из кухни сносили на открытую поляну в окрестном лесу, где медведи могли пировать ежедневно в течение всего лета. С тех пор как Йеллоустонский парк был объявлен заповедником для диких животных, где они пользовались полной неприкосновенностью, количество медведей там из года в год возрастало. Мирные шаги со стороны человека не остались без ответа, и многие из медведей настолько хорошо освоились с прислугой гостиницы, что даже получили прозвища, соответствующие их внешнему виду и поведению.

5

Slim Jim was a very long-legged thin Blackbear; Snuffy was a Blackbear that looked as though he had been singed; Fatty was a very fat, lazy Bear that always lay down to eat; the Twins were two half-grown, ragged specimens that always came and went together. But Grumpy and Little Johnny were the best known of them all.

Grumpy was the biggest and fiercest of the Blackbears, and Johnny, apparently her only son, was a peculiarly tiresome little cub, for he seemed never to cease either grumbling or whining. This probably meant that he was sick, for a healthy little Bear does not grumble all the time, any more than a healthy child. And indeed Johnny looked sick; he was the most miserable specimen in the Park. His whole appearance suggested dyspepsia; and this I quite understood when I saw the awful mixtures he would eat at that garbage-heap. Anything at all that he fancied he would try. And his mother allowed him to do as he pleased; so, after all, it was chiefly her fault, for she should not have permitted such things.

Один очень длинноногий и худой черный медведь назывался Тощим Джимом. Другой черный медведь звался Снаффи (фыркающий); он был так черен, будто его закоптили. Фэтти (толстяк) был очень жирный, ленивый медведь, вечно занятый едой. Два лохматых подростка, которые всегда приходили и уходили вместе, назывались Близнецами. Но наибольшей известностью пользовались Грэмпи и маленький Джонни.

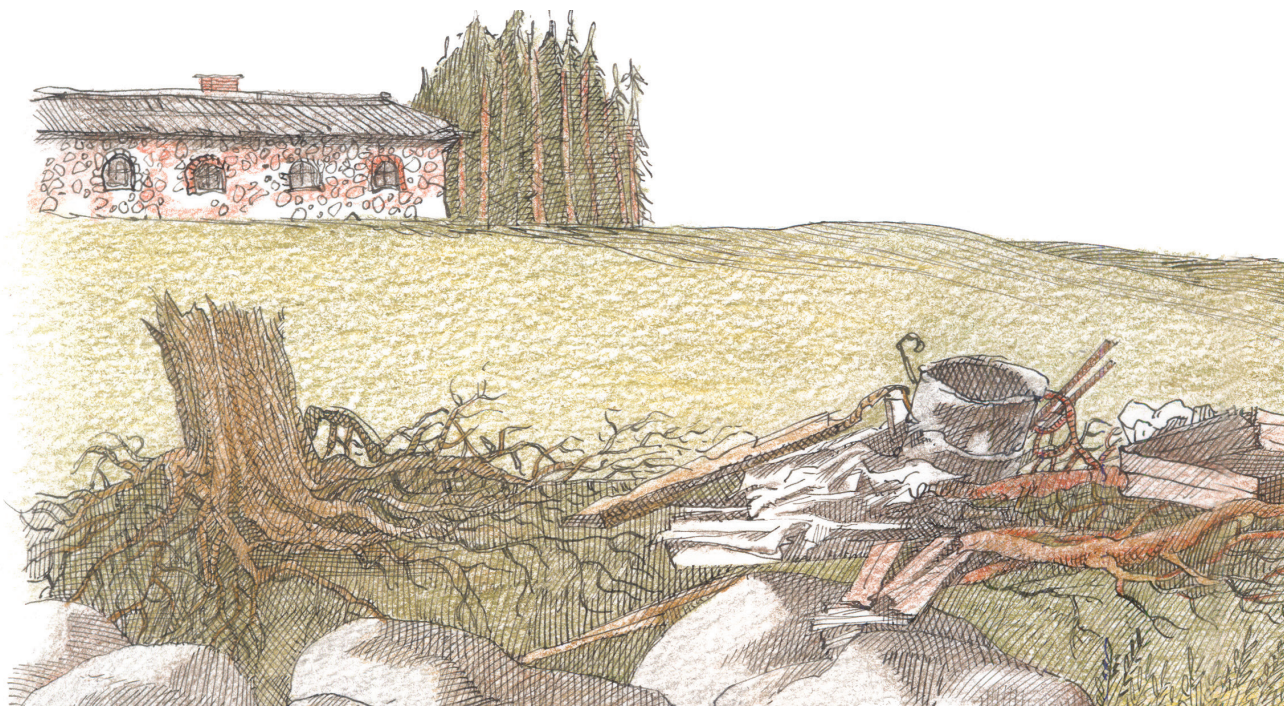
Грэмпи была самой большой и свирепой из черных медведиц, а Джонни, ее единственный сын, был надоедлив и несносен, так как никогда не переставал ворчать и скулить. Вероятно, это объяснялось какой-нибудь болезнью, потому что ни один здоровый медвежонок, как и всякое здоровое дитя, не станет беспричинно скулить все время. В самом деле, Джонни был похож на больного. У него, по-видимому, постоянно болел живот, и это показалось мне вполне естественным, когда я увидел, какую ужасающую мешанину пожирал он на свалке. Он пробовал решительно все, что видел. А мать, вместо того чтобы запретить ему, смотрела на такое обжорство с полным равнодушием.

Johnny had only three good legs, his coat was faded and mangy, his limbs were thin, and his ears and paunch were disproportionately large. Yet his mother thought the world of him. She was evidently convinced that he was a little beauty and the Prince of all Bears, so, of course, she quite spoiled him. She was always ready to get into trouble on his account, and he was always delighted to lead her there. Although such a wretched little failure, Johnny was far from being a fool, for he usually knew just what he wanted and how to get it, if teasing his mother could carry the point.

2

It was in the summer of 1897 that I made their acquaintance. I was in the park to study the home life of the animals, and had been told that in the woods, near the Fountain Hotel, I could see Bears at any time, which, of course, I scarcely believed. But on stepping out of the back door five minutes after arriving, I came face to face with a large Blackbear and her two cubs.

У Джонни были только три здоровые лапы, блеклый скверный мех и несоразмерно большие уши и брюхо. Однако мать обожала его; она, по-видимому, была убеждена, что сын ее красавец, и, конечно, совсем избаловала его. Грэмпи была готова подвергаться каким угодно неприятностям ради него, а он всегда с удовольствием давал ей повод для беспокойства. Больной и хилый Джонни был далеко не дурак и умел заставлять свою мамашу делать все, что он захочет.

2

Я познакомился с Джонни летом 1897 года, когда посетил Йеллоустонский парк в целях изучения повседневной жизни животных. Мне рассказали, что в лесу около Фонтанной гостиницы можно увидеть медведей в любое время. Я не особенно верил этим рассказам, пока сам не столкнулся, выйдя из дверей гостиницы через пять минут после приезда, с большой черной медведицей и двумя медвежатами.

I stopped short, not a little startled. The Bears also stopped and sat up to look at me. Then Mother Bear made a curious short *Koff Koff*, and looked toward a near pine-tree. The cubs seemed to know what she meant, for they ran to this tree and scrambled up like two little monkeys, and when safely aloft they sat like small boys, holding on with their hands, while their little black legs dangled in the air, and waited to see what was to happen down below.

The Mother Bear, still on her hind legs, came slowly toward me, and I began to feel very uncomfortable indeed, for she stood about six feet high in her stockings and had apparently never heard of the magical power of the human eye.

I had not even a stick to defend myself with, and when she gave a low growl, I was about to retreat to the Hotel, although previously assured that the Bears have always kept their truce with man. However, just at this turning point the old one stopped, now but thirty feet away, and continued to

survey me calmly. She seemed in doubt for a minute, but evidently made up her mind that, “although that human thing might be all right, she would take no chances for her little ones.”

She looked up to her two hopefuls, and gave a peculiar whining *Er-r-r Er-r*, whereupon they, like obedient children, jumped, as at the word of command. There was nothing about them heavy or bear-like as commonly understood;

Я остановился, испуганный этой встречей. Медведи тоже остановились и, присев на задние лапы, разглядывали меня. Затем медведица издала странный звук, похожий на кашель: «Кофф, кофф!» — и посмотрела на ближайшую сосну. Медвежата, казалось, поняли, что она хотела сказать, так как немедленно побежали к дереву и стали взбираться на него, как две маленькие обезьянки. Почувствовав себя в безопасности, они уселись наверху на ветках, точно мальчишки, придерживаясь одной лапой за ствол и болтая в воздухе маленькими черными ножками.

Медведица-мать, все еще на задних лапах, медленно приближалась ко мне, и я уже начинал чувствовать себя весьма неприятно от близости этого мохнатого чудовища, стоявшего во весь свой саженный рост и, по-видимому, никогда не слышавшего о волшебной силе человеческого взгляда.

У меня не было с собой даже палки для самозащиты, и, когда медведица тихо заворчала, я стал уже помышлять о бегстве, несмотря на то что, как меня уверяли, медведи никогда не нападают на человека. Но медведица снова остановилась. Она стояла шагах в тридцати от меня, продолжая молча меня рассматривать, точно в нерешительности. Казалось, она размышляла: «Этот человек, может быть, и не хочет зла моим детенышам, но рисковать не стоит».

Она взглянула на своих малышей и издала странный жалобный звук, вроде «ер-р-р, ер-р...» — и они начали спускаться с дерева, как послушные дети, получившие приказание. В их движениях не было ничего неуклюжего, «медвежьего».

